

— Я заработалъ его самымъ честнымъ образомъ. Какъ вы мнѣ дали фальшивый пятакъ, я сейчасъ-же побѣжалъ въ шинокъ, гдѣ было много народу, и началъ кричать, что мой отецъ сильно боленъ, что докторъ велѣлъ какъ можно скорѣе принести ему водки. Шинкаръ, добрая душа, живо налилъ мнѣ водки и сгрѣбъ пятакъ въ общую кучу денегъ, въ ящикъ,—вотъ вамъ, значитъ, водка ужъ есть.

— Но нѣтъ пятака!

— Сейчасъ и онъ будетъ. Я побѣжалъ на другую улицу, остановился у колодца, подождать немного и снова воротился въ тотъ-же кабакъ, съ еще большимъ плачемъ. Я жаловался, что мать меня прибила, такъ-какъ докторъ велѣлъ принести пахучей водки изъ аптеки, а я принесъ простой, изъ кабака. Шинкаръ оказался очень добрымъ человѣкомъ, сказалъ мнѣ только, чтобы въ другой разъ я внимательнѣе слушалъ, что мнѣ говорятъ старшіе, вы-

лилъ водку обратно въ бочонокъ, а мнѣ отдалъ вотъ этотъ большой настоящій мѣдный пятакъ.

— Теперь есть пятакъ, но нѣтъ водки!

— Но вѣдь вы-же сами ее пили, ребе, и нашли ее очень хорошей... Ай, ай! Очень жаль, что вы такого плохого мнѣнія обо мнѣ. Неужели я былъ-бы такимъ дурнемъ, чтобы отдать кабатчику водку? У меня была съ собой точъ-въ-точъ такая-же бутылочка съ водой; затѣмъ-то я и бѣгалъ къ колодцу...

Старый Янкель погладилъ меня по головѣ и торжественно произнесъ:

— Ну, Шмутька, ты далеко пойдешь, если по дорогѣ не попадешь подъ уголовщину...

И вотъ, я пошелъ, пошелъ и — зашелъ уже довольно далеко... У меня теперь миллионы, но я до сихъ поръ люблю вспоминать о томъ первомъ пятакѣ... Это было хорошее начало!..

ЛИТЕРАТУРА ВЪ ЖУРНАЛИСТИКѢ.

(Замѣтки читателя.)

VI.

Минувшій годъ,—какъ ни осыпали его упреками на пресловутую тему литературнаго оскудѣнія наши господа критики,—во всякомъ случаѣ не прошелъ безслѣдно для художественной литературы и не одними только чеховскими „Мужиками“ отмѣтилъ свою жизнедѣятельность въ области журналистики. Немпогимъ, правда,—но всетаки *есть* чѣмъ помянуть его журнальному обозрѣвателю... Въ этомъ отошедшемъ въ вѣчность году живая струя не замирала ни на мигъ въ литературѣ... „Не угасали духа“ и старые испытанные бойцы журнальной арміи; творили по мѣрѣ возможности и работали по мѣрѣ (а иные даже и свыше) силъ своихъ молодые, ползающіе уже именами; выдвигались и новые свѣжіе таланты, для большинства невѣдомо откуда появлявшіеся и сразу завоевывавшіе право на вниманіе къ себѣ и своему творческому слову... Особенно большія надежды подаетъ изъ послѣднихъ одинъ молодой беллетристъ, подписывающійся псевдонимомъ М. Горькій. Этотъ еще недавно какъ-то странно рѣзавшій собою ухо, почти ничего не говорившій даже записнымъ любителямъ беллетристики псевдонимъ за семь—за восемь послѣднихъ мѣсяцевъ получилъ полный права гражданства въ нашихъ журнальных салонахъ, еже-вѣсячно открывающихъ читателямъ свои двери. Что касается меня, то я зналъ и читалъ М. Горькаго еще тогда, когда его мелкіе эскизы сѣренькой провинціальной жизни появлялись въ „Самарской Газетѣ“ и „Нижегородскомъ Листкѣ“—эскизы, сверкавшіе иногда блестками наблюдательности и молодого одушевленія, но не выказывавшіе въ авторѣ ни широты замысла, ни глубины его анализа, ни особой оригинальности дарованія. Года два назадъ въ „Рускомъ Богатствѣ“ появился очеркъ провинціальнаго литературнаго новичка „Челкашъ“, по счастливой случайности отмѣченный довольно-таки подслѣпловатымъ библиографомъ „Русской Мысли“. Очеркъ этотъ давалъ живую картину жизни той же бѣдности, которая фигурировала, только въ болѣе блѣдныхъ чертахъ, на столбцахъ двухъ названныхъ выше поволжскихъ газетъ. Черезъ нѣкоторое время я нашелъ новое произведеніе М. Горькаго уже на страницахъ замѣтившаго его журнала. Хорошенько не помню: кажется, этотъ рассказъ назывался „Сны“. Въ немъ авторъ пытался подойти съ самостоятельнымъ анализомъ къ одному изъ самыхъ сложныхъ явленій психической жизни, стоящей на рубежѣ психопатологіи. Талантъ начиналъ казаться болѣе вдумчивымъ, но въ общемъ впечатлѣніе оставалось смутное, затуманенное потугами, слишкомъ явно бившими на оригинальность. Затѣмъ, на нѣкоторое время г-нъ М. Горькій потерялся изъ виду у читателей ежемѣсячниковъ и снова промелькнулъ въ провинціальныхъ фельетонахъ. Въ минувшемъ году появились его „Тоска“ и „Коноваловъ“—на страницахъ того журнала, о которомъ можно сказать словами поэта: „Такъ мало прожито, такъ много пережито!..“, т. е. въ „Новомъ Словѣ“. Это было еще въ народническую эпоху его кратковременнаго существованія. Въ „Тоскѣ“ молодой писатель заговорилъ и болѣе просто, и болѣе ярко, чѣмъ прежде. Съ его „Коноваловымъ“ я уже имѣлъ случай довольно подробно познакомить читателей своихъ „замѣтокъ“ (см. „Сѣв.“ 1897 г., „Лит. въ журн.“, II). Этотъ рассказъ былъ, однако

только переходной ступенью своего автора къ еще болѣе самостоятельнымъ воспроизведеніямъ жизни. „Бывшіе люди“ въ „Новомъ Словѣ“, „Озорникъ“ и „Мальва“—въ „Сѣверѣ. Вѣстн.“, „Супруги Орловы“—въ „Русск. Мысли“... Это было напечатано все почти одновременно, въ какіе-нибудь два или три мѣсяца. И все это было уже такъ ново, да ново—если даже вспомнить и Левитова, и Помяловскаго и другихъ бытописателей нашихъ „разсвѣтныхъ“ дней, выдвинувшихъ въ художественной литературѣ вопросъ о русскомъ пролетариатѣ... Этой серією рассказовъ М. Горькій внесъ въ лѣтопись журналистики минувшаго года такія страницы, которыхъ уже не вычеркнуть изъ памяти читателей. Онъ сказалъ *свое*, дѣйствительно—новое слово... Появился въ литературѣ, благодаря этимъ опытамъ художественнаго реализма, новый типъ—*бывшихъ людей*... И если не всѣ, то очень многіе, изъ героевъ молодого писателя—„бывшіе“ люди. Читая его послѣднія произведенія, вы стоите въ полномъ смыслѣ слова за границей челоѣка, въ кругу вычеркнутыхъ изъ всѣхъ „обывательскихъ“ списковъ и выброшенныхъ жизнью за борть существъ. У насъ въ литературѣ было не мало попытокъ воспроизвести поддонки общества, изображалась всевозможная голь, рвань и нищета... Но все это было совсѣмъ не то, что вы видите у М. Горькаго. Въ такую безпросвѣтную глубину челоѣческаго паденія не сводилъ своихъ читателей еще ни одинъ изъ нашихъ беллетристовъ-художниковъ. Но, читая эти рассказы, вы даже не замѣчаете, что опускаетесь въ яму, служащую пристанищемъ не нашедшимъ своей точки людямъ, сдѣлавшимся „бывшими“ еще при жизни. Вы даже не *сходите* къ нимъ, какъ это замѣчается при чтеніи произведеній другихъ бытописателей, — а какъ-бы *аходите* въ ихъ кружокъ. Своеобразно направленное дарованіе художника не допускаетъ васъ оставаться только на одномъ наблюдательномъ посту читателя, а заставляетъ переживать настоящую жизнь перешедшихъ свою границу людей и чутко прислушиваться къ разсказу о бывшей, „челоѣческой“, жизни этихъ жертвъ своего собственного безсилія. У многихъ изъ нихъ еще жива душа, хотя въ ней давно уже нѣтъ Бога; почти у всѣхъ этихъ безвольныхъ особей, потерявшихъ способность контроля надъ самими-собою,—хотя неровными и рѣзкими переборами, но все еще бьется чуткое сердце; и почти нѣтъ ни одного, кто-бы не загорался неудержимымъ негодованіемъ протеста во имя осмѣиваемаго „не бывшими“ людьми добра и попираемой ими правды... Въ рассказѣ „Бывшіе люди“ эти характерныя для г. М. Горькаго черты его излюбленныхъ героевъ обрисованы въ такихъ яркихъ краскахъ, какъ ни въ одномъ изъ другихъ его произведеній — ни прежнихъ, ни позднѣйшихъ. Авторъ ведетъ читателей на захолустную окраину большого торговаго приволжскаго города, забытую и заботливыми городскими самоуправлениями, и беззаботными обывателями не-окраинъ. Предъ нами—ночлежный притонъ, пріютившійся въ безобразной хатѣ и содержимый потерявшимъ свою „точку“ отставнымъ офицеромъ... Послѣдители и обитатели ночлежки—„самые послѣдніе и самые безпокойные“ люди, съ точки зрѣнія мѣстнаго трактирщика. Цѣлая галерея самыхъ разнообразныхъ типовъ, пестрый катейдоскопъ характеровъ... И все это—пропившаяся, обносившаяся до послѣдней „смѣшки“ нищета, живущая потѣвымъ поден-

Присланный читатель

(А. А. Коринфский)

— 2 — Литература въ журналистикѣ.

(Изъ впечатлѣній читателя.)

XI.

а последнее время появилось не мало живого и интереснаго на литературномъ полѣ нашей журналистики. Нѣсколько новыхъ рассказовъ Антона Чехова („Юнычъ“, „Случай изъ практики“, „Новая дача“, „По дѣламъ службы“), нѣсколько новыхъ очерковъ Максима Горькаго („Дружки“, „Кирилка“, „Кавычъ и Артемъ“ и др.), превосходная повѣсть плодovitаго, но не всегда съ одинаковой силой проявляющаго силу своего дарованія. И. Н. Потапенки („Игроки“—въ „Русской Мысли“). Закончился въ томъ-же московскомъ журналѣ большой не только по числу печатныхъ листовъ, но и по серьезному художественно-психологическому интересу, романъ А. А. Лугового „Возвратъ“, обратившій на себя общее вниманіе новыми, выведенными въ немъ типами современнаго интеллигента; появилась въ „Русскомъ Богатствѣ“ восточная сказка такъ рѣдко за послѣдніе годы заявляющаго о себѣ въ художественной литературѣ В. Г. Короленки—„Необходимость“; начались романы И. Д. Воборыкина—„Куда идти?“ (въ „Вѣстникѣ Европы“), К. М. Станюковича—„Разпудренные“ (въ „Мирѣ Божьемъ“) и П. П. Гавдича—„Туманы“ (въ „Книжечкѣ Недѣли“); появилось еще нѣсколько интересныхъ новинъ,—повѣсть В. М. Гривовскаго „Душа женщины“, эскизъ талантливой Г. Р. Гартгрэмъ изъ серии рассказовъ „На урду природы“, рассказъ Г. И. Ясинскаго („Зеленый амія“), начало повѣсти въ стихахъ К. М. Фофанова („Поэтесса“—въ январской „Кни. Недѣли“). О романѣ „Возвратъ“ я уже говорилъ—по мѣрѣ появленія его—въ нѣсколькихъ предыдущихъ обзорѣхъ журнальной нивы, а потому и не стану возвращаться къ нему, ограничившись только замѣчаніемъ по адресу талантливаго автора, — что онъ, заинтересовавъ читателей началомъ своего оригинальнаго романа, не обманулъ ихъ ожиданій при продолженіи и прекрасно выполнилъ принятую имъ на себя задачу. Три другихъ упомянутыхъ мною романа только еще начаты, — рѣчь о нихъ впереди, когда представится болѣе возможная возможность войти въ міръ выведенныхъ въ нихъ современныхъ, не имѣющихъ въ себѣ ничего героическаго, героевъ.

Авторъ „Пестрыхъ рассказовъ“, „Степи“, „Дуэли“, „Мужиковъ“, „Человѣка въ футлярѣ“ и другихъ художественныхъ шедевровъ—въ новыхъ своихъ рассказахъ—далъ русскому читателю нѣсколько новыхъ, превосходно очерченныхъ типовъ, подмѣченныхъ его проникновеннымъ взглядомъ въ сутолкъ современной жизни, — типовъ, облеченныхъ въ живую плоть и кровь, говорящихъ о своей оригинальности каждою своею чертою. Эти герои и героини—люди, или страдающіе отъ современной житейской смуты, или тѣнущіе въ ея пронызывающемъ до костей туманѣ, или безпеченники, теряющіеся при серьезномъ столкновѣніи съ безпощадной дѣйствительностью. Все это—живые люди нашихъ дней, возросшіе и разномыслящіеся на той-же самой почвѣ, какъ и мы, дышащіе однимъ съ нами воздухомъ, волнуемые понятными намъ волненіями; всѣ они—наши современники. Незамѣтные до сихъ поръ, они—выдвинутые на полотно литературы могучимъ талантомъ художника—какъ-бы выросли и расцвѣли, какъ-бы озарились какими-то незримыми лучами. Но главнымъ героемъ новыхъ рассказовъ А. П. Чехова является та все еще дремлющая стихійная сила, которая—во всей своей ужасающей наготѣ—предстала передъ читательскою аудиторіей въ его „Мужикахъ“. Это—прозябающій „во глубинѣ Россіи“—таинственный сфинксъ, зовущійся *мужикомъ*, перерождающійся, подъ вліяніемъ „городской цивилизаціи“, въ фабричнаго, трактирнаго слугу, ремесленника и т. п., чтобы или затеряться потомъ въ отбросахъ городского пролетаріата, или—безпомощнымъ инвалидомъ—вернуться въ родныя вѣси, гдѣ все почти такъ-же голодно, холодно, темно и неприглядно, какъ многою годами тому назадъ. Особенно хороши рассказы „По дѣламъ службы“ и „Новая дача“. Въ первомъ („Книжечка Недѣли“, I) изображена зимняя побѣдка двухъ интеллигентовъ (исправляющаго должностъ судебного слѣдователя и уѣзднаго врача) въ деревню на вскрытіе тѣла третьяго интеллигента (земскаго страхового агента), застрѣливавшагося въ недобрый часъ и надѣлавшаго

этими проявленіемъ своего эгоизма хлопотъ и имъ, и (еще болѣе) деревенскимъ обывателямъ. Мятель задержала ихъ въ дорогѣ до поздняго вечера. Въ деревнѣ пріѣзжихъ ждала новая неприятность: оказалось, что самоубійца покончилъ съ собою въ „земской избѣ“, гдѣ и лежало его тѣло въ ожиданіи властей. „Стрѣлялся въ земской избѣ—какъ это безтактно!“—разразился негодованіемъ докторъ по этому поводу.—„Пришла охота пустить себя пулю въ лобъ, ну и стрѣлялся-бы у себя дома, гдѣ-нибудь въ сараѣ... Эти истерики и неврастеники болѣе эгоисты. Когда неврастеникъ спитъ съ вами въ одной комнатѣ, то шуршитъ газетой; когда онъ обѣдаетъ съ вами, то устраиваетъ сцену своей женѣ, не стѣсняясь вашими присутствіемъ; и когда ему приходитъ охота застрѣлиться, то вотъ онъ стрѣляется въ деревнѣ, въ земской избѣ, чтобы надѣлать всѣмъ побольше хлопотъ. Эти господа при всѣхъ обстоятельствахъ жизни думаютъ только о себѣ. Только, только о себѣ!“ Искренняя горечь слышится въ приведенныхъ словахъ, и въ то-же самое время изъ нихъ выступаетъ цѣльный человѣкъ, стоящій предъ вами во всей своей маленькій ростъ. „Ужъ такое горе“,—словно подтверждаетъ слова расхолившагося доктора стоявшій у дверной притолоки сотскій (типичнѣйшій представитель мужицкой выносливости): „Такое горе. чистое наказаніе. Народъ очень беспокоится...“ и т. д. Докторъ, огорченный эгоизмомъ застрѣливавшагося бѣдняги, вспоминаетъ, что всего въ трехъ верстахъ отъ мѣста „пронесшества“ живетъ одинъ его хорошій знакомый и, обрадованный мыслію, что онъ можетъ оторваться отъ удручающей обстановки и перенестись до утра въ уютный интеллигентный уголокъ, торопливо покидаетъ своего спутника, рѣшившаго лечь спать, и уѣзжаетъ. Слѣдователь, по приглашенію сотскаго („Тебѣ, баринъ, здѣсь ночевать не годится, иди въ ту половину... Тамъ не чисто, да ужъ одну ночь ничего...“), переходитъ въ черную избу, пьетъ тамъ чай подъ разговоръ словоохотливаго старика, вывертывающаго—при видѣ „покладистаго барина“—всю свою жизненную подоплеку, затѣмъ ложится спать, но, поднятый съ постели вернувшимся за нимъ докторомъ, вѣдетъ къ знакомцу послѣдняго, настѣившему на томъ, чтобы привезти и его... Послѣ мрачной обстановки земской избы и блужданій по снѣжной замѣти—оба они перенеслись совершенно въ иной міръ. На нихъ пахнуло тепломъ, „запахомъ старыхъ барскихъ покоевъ, гдѣ какая-бы ни была погода снаружи, живетъ такъ тепло, чисто, удобно...“ Добродушный толстѣя-хозяинъ, четыре молоденькія хорошенькія дѣвушки—дочери его, кучка дѣтей... Звучи роля, веселый смѣхъ, танцы, ужинъ... Все это казалось молодому слѣдователю чѣмъ-то непонятнымъ рядомъ съ деревенскою безпросвѣтностью жизни, чѣмъ-то фантастическимъ... За ужиномъ шелъ разговоръ о самоубійцѣ, причемъ докторъ высказывался въ презрѣніе тонъ („...людямъ, у которыхъ нервная система не въ порядкѣ, я запретила-бы вступать въ бракъ; я отняла-бы у нихъ право и возможность размножать себя подобныхъ...“ и т. д.). Когда всѣ легли спать, слѣдователь долго не могъ сомкнуть глазъ; во снѣ-же ему казалось, что онъ не въ мягкой чистой постели, а все еще въ земской избѣ, на снѣгѣ; ему вспоминался (во снѣ) застрѣлившійся; потомъ представилось, что этотъ несчастный вмѣстѣ съ сотскимъ (всю свою жизнь ходящимъ „въ цоккихъ“) идутъ въ поле, бокъ-о-бокъ, вьзвнутъ въ сѣвгу, поддерживая другъ-друга. „Мятель кружила надъ ними, вѣтеръ дулъ въ спины, а они шли и подиѣвали:—Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ! Вы въ теплѣ, вамъ свѣтло, вамъ мягко, а мы идемъ въ морозъ, въ мятель, по глубокому сѣвгу... Мы не знаемъ покоя, не знаемъ радости... Мы несемъ на себѣ всю тяжесть этой жизни и своей, и вашей...“ Пробудившись. Лыжнѣ (фамилія слѣдователя) долго не могъ отдѣлаться отъ кошмарныхъ впечатлѣній сна; и ему, дѣйствительно, казалось, что у покончившаго расчеты съ жизнью заброшеннаго въ глушь земскаго труженика и у „цоккаго“, состарившагося на ногахъ, доходя, — въ самомъ дѣлѣ есть что-то общее въ жизни“. Онъ думалъ: „даже въ самой пустынной глуши ничто не случайно, все полно одной общей мысли, *все имѣетъ одну душу, одну цѣль*... И несчастный, надорвавшійся, убившій себя „неврастеникъ“, какъ называлъ его докторъ, и старикъ-мужикъ, который всю свою жизнь каждый день ходитъ отъ человѣка къ человѣку,—это случайности, отрывки жизни для того, кто и свое существованіе